

Свящ. А. В. ЕЛЬЧАНИНОВ

Из встреч с П. А. Флоренским (1909—1910)

III/1

Он мало изменился со времени нашего последнего свидания (три месяца назад); только как будто стал нервнее и чуть беспокойнее. Он ежеминутно в каком-нибудь деле. Вот перечень его дел за те два дня, что я здесь¹. В пятницу вечером он сел писать лекцию и писал ее до половины четвертого. Встал в субботу в 8 ч. и в 10 пошел на лекцию, а оттуда в баню, затем обед. Сейчас же после обеда — исправление рукописи о частушках² для «Костромской старины» и т. д.

III/4 Герасим-Грачевник

Вот несколько его разговоров.

— Ты замечаешь, я двигаюсь по направлению к *t*, иначе — выпадаю в детство. Ведь я даже с осени изменился в этом направлении. Я часто чувствую себя ребенком, хочется возиться, шалить.

Действительно, только что перед этим он полчаса возился с Дарьей, представляя из себя медведя, дразнил ее, пел частушки и умолял ее, чтобы она посоветовала ему, что надо делать, чтобы понравиться девкам.

«В Академии я сдерживаю себя, но и то мне постоянно хочется или затрубить в свертки с моими лекциями, или кого-нибудь ткнуть в живот, или скатиться по перилам. И это делается как-то само собой. Я думаю, что это оттого, что мои дионисийские силы ищут себе выхода и обнаруживаются именно здесь».

Эту перемену в Павлуше я заметил особенно ярко этой осенью, а за зиму она у него усилилась и развилась. Он очень смешлив, остроумен, неутомим в разговорах с дамами и барышнями, причем они обычно остаются в восторге от своего кавалера.

Сегодня катались на лыжах. Несмотря на то, что завтра у него лекция, из которой у него готовы только три страницы, он так увлекся, что я едва уговорил его идти домой. Во время этой прогулки несколько очень интересных разговоров. Когда я ему сказал, что пора идти домой, он ответил:

— Зачем мне писать лекцию? Может быть, я не доживу до завтра, так уж лучше накатаюсь в свое удовольствие.

— Как приятно ехать, — сказал он, когда мы попали на глубокий нетронутый снег, — как будто идешь по пирогу и режешь его лыжами. На меня нападают, — прибавил он потом, — зачем я часто употребляю гастрономические сравнения; но ведь это так естественно: пирог нам ближе всего, мы знаем его вкус, запах, теплоту, состав; после *самосознания*, конечно, на первое место надо поставить *пирогосознание*.

Последние дни он все порочит дамский пол. После посещения Д. и Т. он все жаловался, что с их приходом что-то хорошее ушло из дому.

— Позвать надо о. Евгения³; пусть хоть молебен отслужит. Я понимаю, почему дам не пускают в скиты; люди всю жизнь копят, а придут бабы и враз все унесут. Ты не думай, что я считаю их чем-нибудь поганым, ничуть. Но они, видишь ли, как-то страшно пассивны и *пористы* и поэтому всасывают в себя все. Оттого они так легко и поддаются влияниям.

— Несчастный народ женщины, — вздохнул я.

— Почему несчастный? я вовсе не считаю себя более счастливым или привилегированным. У многих людей мускулы больше, чем у меня, а я ничуть не огорчаюсь.

— Но ведь ты должен признаться, что о женщинах ты отзываешься с иронией, насмешкой, даже презрением.

П. стал серьезен.

— Это не так. Я с глубоким уважением отношусь к женщине, которая делает свое дело. Ты знаешь, что я Марусю Ланге⁴ сейчас уважаю гораздо больше, чем когда она была курсисткой. Я смеюсь над теми, которые берутся не за свое дело; я бы стал смеяться над мужчиной, который занялся бы бабьим делом, смеялся бы над женщиной, которая захотела бы завести себе бороду. Ум-то ведь половой мужской признак. И незачем нам завидовать: вот мне очень бы хотелось родить дитенка, а не могу! И знаешь, что я заметил, что женщины, склонные к научным занятиям, и после брака — обычно ведь все это слетает моментально — отличаются всегда блудливым характером.

— Я не понимаю, почему Д. обиделась на меня за Гефсиманский скит и за прочее: ведь не ходят же дамы голыми по улицам;

зачем же она хочет, чтобы я всякому показывался обнаженным от моей квартиры?

— Но ведь ходишь же ты в гости?

— Ну так что ж? Ведь не ко всем хожу. Я и голым появляюсь <не>которым людям — в бане например.

— Я тебе говорил про опыты Каптерева⁵ с внушением? Оказалось, что иногда достаточно бывает тонкой вуали, чтобы парализовать гипноз. В этом глубокий смысл фаты — женщину в фате невозможно соблазнить.

VII/7

Я не помню, когда это было; кажется, в конце мая, во всяком случае, в его последний приезд в Москву по вызову Новоселова. Я провожал его на вокзал, где около часу мы ждали поезда. Беседа была длинная, и я помню только главное. Мы говорили все о том же равнодушии Павлуши к дамам и о его частой влюбленности в молодых людей; мы долго путались в объяснениях, и только в конце П. напал на следующую гипотезу. Мужчина ищет для себя объект достаточно пассивный, чтобы принять его энергию. Такими для большинства людей будут женщины. Есть натуры *о́ло* — мужественные, которые ищут дополнения в мужественных мужчинах, но есть *о́лер* — мужчины, для которых ж[енственное?] слишком слабо, как слаба, положим, подушка для стального ножа. Такие ищут и любят просто мужчин, или *о́ло* — мужчин.

1909, 9 сентября

Сегодня за утренним чаем Павлуша рассказал мне о себе следующее. Еще этим летом П. часто говорил мне, полушутя, полусерьезно, о своем интересе к кабацким песням, к пьяницам, о том, что он сам пробует пьянствовать.

— По крайней мере, эти люди, — говорил он, — простые, без всякой фальши, а я хочу простой жизни с простыми людьми.

Когда я приехал сюда (8-го сент.), Павлуша встретил меня сообщением о своем пьянстве. Я не поверил тогда. За чаем сегодня он начал с того, что сообщил о своем намерении прочесть студентам ряд лекций о пьянстве.

— Я начну с того, что центральным пунктом философии считается сейчас вопрос о познании, т. е. вопрос о познавании реального; но ведь всякое познание есть выходжение из себя, я думаю, что исторически гносеологический вопрос зародился из культа опьяняющих растений, так как лучше всего явление вы-

хождения из себя, тождества субъекта и объекта, знают пьяные. Интересно то, что опьянение различными веществами дает совершенно различные переживания. Например, ром, водка и вино. Их действие совершенно различно. Я теперь много пью, я даже думаю, что это полезно. У нас слишком много еще всяких диких порывов, которым надо давать выход. Если б мы воевали, сражались с разбойниками — тогда другое дело. Когда я много выпью, на другой день я чувствую себя очень хорошо. Я даже физически стал поправляться — все это замечают и не знают почему.

— Но разве ты не думаешь, что от пьянства притупляются способности?

— Я знаю это, но я этого и хочу; мне противна всякая культурность, утонченность, я хочу простоты.

— Но ежели ты потеряешь способность отличать божественное от дьявольского, то не боишься ли впасть в какие-нибудь искушения и соблазны и попасть на дорогу, которая ведет к гибели?

— Я и так погибший, — это было сказано очень серьезно. — Вообще у меня наступает какой-то перелом. Близок уже 27-й год, значит, это неизбежно.

— Но почему ты сам решаешь это все, почему не посоветуешься с духовником?

— Почему ты думаешь, что я не советовался? Если я спрошу духовника, что мне выбрать, самоубийство или пьянство, он запретит и то и другое, и иначе он не может ответить. Конечно, я мог бы удержаться от этого, но я знаю, что тогда будет еще хуже; а потом — видно, иначе никак себя не смиришь...

IX/14

Сегодня, когда я вернулся из Москвы, моя прислуга, очень толковая баба средних лет, доложила мне:

— Тут вас спрашивал студент один, голова набок... малоумный такой... раскосый будто. — Она, видимо, очень затруднялась точно определить наружность Павлуши. Я даже не сразу догадался, что это о нем, и только по признакам — длинный нос, длинные волосы и штатское платье — сообразил, о ком речь.

IX/22

Я не знаю еще, всегда ли он такой, но я его вижу каждый раз очень изменившимся по сравнению с прошлым годом. Нет той ясности в глазах, живости и веселости; вместо этого какая-то тусклость, тяжесть, как с похмелья (хотя П. и уверяет, что именно

на другой день после пьянства особенно хорошо чувствует себя, «наступает какой-то катарсис, сначала острое раскаяние, а потом смирение, ясность и радость»). Вчера, как обычно, он вздыхал о том, что слишком много дел, что он не успевает всего делать, что нет времени, а потом вздохнул, что у него нет секретаря. Я вызвался помочь ему в одной из его работ (рецензия на сочинение Наумова о Дионисе), он согласился. Мы работали вчера весь вечер и сегодня до обеда и много разговаривали.

IX/24

Я запишу только одну часть разговора, особенно для меня важную, хотя мысли эти я слышал от него полтора года назад, прошлой весной.

— Мне нетрудно многое убить в себе, но что из этого выйдет? Я мог бы убить в себе все, что связано с полом, но тогда бы во мне умерло всякое научное творчество прежде всего. Ты говоришь, что так и надо, что через такую смерть проходили все подвижники, я знаю это, но ведь меня не пускают в монастырь, мне велят читать лекции. Почему от многих сочинений, учебников и т. д., семинарских особенно, пахнет мертвечиной; как будто бы все на месте, есть большая ученость, приличный язык, даже мысли, но читать невозможно? Потому что их писали скопцы. И я бы мог так записать, но кому нужны такие труды? Вот теперь мы с тобою пишем о Дионисе; ведь я должен же пережить все это, перечувствовать, сегодня я не спал всю ночь от какого-то общего возбуждения, как будто я сам участвовал в оргиях. И так все. Так и с лекциями. Я знаю, что в последующих лекциях я дам христианский синтез, но пока я излагаю, я не могу не проникаться симпатическим отношением к своему предмету.

X/10

У него масса нежности, привязчивости, любви. Я никогда не видел, чтобы он охладевал к людям первый, чтобы он тяготился близким человеком, искал перемены, свободы. Если он полюбит кого-нибудь, то все отдаст для этой дружбы, он хочет вовлечь своего друга во все подробности своей жизни, и в его жизнь и интересы входит всей душой; он оставит свои дела, своих знакомых, срочные занятия, если его время нужно (или ему кажется, что нужно) другу. С Васенькой⁶ он ест из одной чашки и ни за что не сядет обедать без него, хотя бы тот не пришел бы до вечера, ездит разговаривать с его доктором, помогает ему писать реферат, во-

обще не дает ему «ни отдыху, ни сроку». (Таковой и должна быть настоящая дружба, но только при полной взаимности; иначе она — невыносимая тяжесть, я знаю это по себе.)

Часто говорит о своем намерении бросить Академию. Он решил было летом бросить ее, да отговорил Вас. Мих. Настроение по-прежнему тяжелое.

X/18

13-го — 16-го я был в Москве. Перед отъездом Павел сказал мне:

— Если увидишь Владыку⁷, скажи ему обо мне. Можешь сказать, что я часто хочу его видеть, но не приеду к нему, потому что все равно не послушаю, что он мне скажет.

Я был у Владыки 15-го. Сначала я рассказал ему о своих делах, а потом о Ф-м. Я сообщал только факты: разочарование в науке, беспричинная тоска, пьянство. Владыка слушал, сидя боком и усмехаясь в бороду, но когда я сказал о пьянстве, он стал серьезен. «Рано начал», — бормотал он.

— Скажите ему, — быстро сказал он, — что я очень прошу его удерживаться до 30 лет. Пусть соберет все свои силы. Потом уже не опасно. Кровь бродит до 30, и эти последние годы особенно опасны.

Взволнованный (но не очень) он стал и вышел на минуту в свою комнату; потом вернулся и продолжал:

— Пусть применяет мой сократовский метод анализа понятий.

Потом он стал говорить, что хочет летом опять ехать в Соловецкую пустынь, думает взять туда Павла и прожить с ним лето.

— Вы ему передайте это; это его ободрит.

Между прочим, уже в конце беседы он высказал предположение, не заразился ли Павел пьянством от Глаголева.

1910, январь

На все доводы он говорит одно: «Я хочу настоящей любви; я понимаю жизнь только вместе; без «вместе» я не хочу и спасения; я не бунтую, не протестую, а просто не имею вкуса ни к жизни, ни к спасению своей души — пока я один. Если меня будут спасать, я не стану протестовать, но сам не хочу. Ты говоришь о старце; я советовался много раз, и всякий раз мне говорили: подожди, перетерпи, это пройдет; я жду — может быть, это действительно самое лучшее».

Сегодня как будто прояснело. Пришел к нему — он один, пишет. Вид светлый, тихий.

— Смотри-ка: я Антонию письмо пишу. Почти уже написал.

Я было не поверил.

— И не только Антонию; вот еще одно — совсем готово. И кому?! Девице!! Только Антонию я еще, может быть, не пошлю. Ты сам посуди — что он может помочь, а что я написал — все-таки польза — объективация. <...>

...Разговор на этом оборвался и начался снова по поводу еп. Гавриила. Вчера он служил у нас литургию, и я был поражен той торжественностью и значительностью, с которой он провел ее. Я спросил об этом Павла.

— Ты ведь знаешь мое мнение о нем, — с неудовольствием начал он. — Все это звучит фальшью и театральностью. Он произносит слово, и чувствуется, что тон, дикция придуманы и что он смотрит, какое это производит впечатление. Весьма возможно, что объективно все это воспринимается иначе, но я его знаю и не могу освободиться от этого чувства. Он хорошо знает богослужение, любит его, но эта чинность и выделанность — не православное дело. В тебе сказывается западник, а нам, наоборот, мило, когда служба идет так, как она идет везде в России, спотыкаясь, некрасиво и т. д.; мы любим рабий зрак, а ты хочешь, чтобы даже лохмотья были не настоящие, а подшитые на подкладке. Это — евангельское, а не только православное. Почему Христос так любил общество блудниц, мытарей; ведь нужно представить, что это были *настоящие* блудницы, которые ссорились, вели «неприличные» разговоры, бранились, а Христос все же предпочитал их обществу фарисеев. Ты подумай, почему сказано: «сила Божия в немощи свершается». Ведь немощь не только слабость, какая-нибудь поэтическая болезнь, вроде чахотки, а греховность, скверность. Христос был с грешными не только потому, что они больше нуждались, а потому, что ему приятнее было с ними, он любил их за их простоту, смирение.

Пришел вечером, в 10-м часу. В субботу утром Булгаков, Глинка⁸ и Новоселов⁹ (с ними был и Бердяев) увлекли его в Зосимову пустынь, откуда он вечером бежал.

— Я к тебе на короткое время. Принес Lavater'a¹⁰. Нет ли у тебя чего о покаянии — В. М. нужно для семестра.

Ничего не оказалось.

— Я хотел тебя спросить о твоей поездке; но если ты торопишься, то я спрошу потом.

П. поупрямился немного, но потом рассказал о Булгакове и обо всех прочих. Оказывается, он и сам собирался в Зосимову, но сейчас не хотел, так как было много чужих людей.

— Ты ведешь свои мемуары по-прежнему? Так запиши тогда — это интересно и с общегословской точки зрения. Я замечаю на себе сейчас странное явление: никогда раньше моя молитва не была так действительна, как сейчас, когда я, казалось бы, всего менее достоин. Такое впечатление, как будто Бог нарочно идет мне навстречу, чтобы посмотреть, до чего же я наконец дойду; у меня иногда странное чувство, нелепое с богословской точки зрения, может быть потому, что я не могу его как следует выразить: мне бывает жалко Бога — за то, что ты у него уродился таким скверным.

— Да. У меня такое сравнение: если кто-нибудь очень рассердится, то начинает со всем соглашаться и делать все, как ты хочешь; так и Бог со мной. Правда, это больше в мелочах. Вчера, например, Вас. М. долго не было дома. Я очень беспокоился. Прошли все обычные сроки, когда он приходит, — 11 часов и три часа. Я страшно встревожился и стал молиться, и не успел я кончить молитвы, как он уже стучал в дверь.

— Ну, я побоялся бы таких явлений: я подумал бы, что это меня черт охаживает.

— Да какая ему выгода? Если бы это увеличивало мою гордость...

— Это увеличивает твоё отчаяние.

Он как-то не обратил на это внимания.

— Все вы смотрите на мои грехи слишком просто, а главное — применяете к ним оценки эстетические, житейские. Например, мое пьянство. Есть грехи безусловные — гордость, злоба, но пьянство и т. д. — относительно этого еще большой вопрос. Когда я сижу в компании и вздумаю отказаться от водки — сейчас же меняется все настроение компании, откуда-то появляются злоба, раздражительность — и не на меня, и даже не за мой отказ, а так, откуда-то.

— Но ведь это ужасно! Ну если ты попадешь в компанию, где жуют калоши — неужели тебе жевать вместе с ними, чтобы сохранить их благодушие? Ну они свиньи и хлещут свиное пойло, да зачем же тебе-то к ним идти?

— Видишь ли, я сейчас настолько отупел, что не могу ни рассердиться, ни обидеться; но если бы здесь был еще кто-нибудь,

даже вполне твоих взглядов, у него сейчас же вспыхнула бы злоба от твоих слов.

Сказано это было поистине кротким, беззлобным тоном.

— Я с тобой согласен, что таким тоном говорить нехорошо; но я хотел сказать, что ты своим поведением обижаешь трезвых людей, утешая пьяных, ты оставил своих прежних приятелей, за тебя болит сердце у о. Евгения и у многих других.

— Я сам боюсь этого и еще больше боюсь соблазна от моего поведения. Но вы не хотите понять, что в моих грехах важное, а что нет. Я, например, часто говорил о. Герману¹¹, что занятие наукой развивает во мне тщеславие, но он как-то совсем этим не трогается; думает, что это я говорю от излишней скромности. А потом, не пьянствуй я, меня давно уже не было бы в живых. Моя тоска имеет, должно быть, органическое происхождение, избыток сил, ну а пьянство эти силы рассеивает, и тогда я усмиряюсь: отчего же, мол, и не заняться наукой; хоть пустое это дело, но кое-как прожить все же можно.

— Я очень рад, что ты так думаешь о причинах твоего состояния.

— То есть как?

— А то, что твоя тоска, как ты сказал, органического происхождения.

— Это не совсем так. Главная ее причина, конечно, другая, это — желание настоящего, полного общения как *гарантии церковной жизни*. Я нигде не нахожу этого общения: все только бумажки, и ни разу — золота. Я не говорю, что в церкви нет чистого золота, но мне не попадалось. Если бы я не верил, было бы легче, но в том-то и тяжесть, что я верю, что золото есть. Раз нет общения, нет и церкви, нет и христианства. Мне велят верить — я и верю, но ведь это не жизнь — жизнь как раз начинается с того времени, как увидишь, ощупаешь этот главный факт.

II/5

Вчера был у него вечером и ночевал, так как В. М. уехал на день в Москву. Некоторые афоризмы и мысли. <...>

Павел любил растения с детства с какой-то усиленной нежностью, жалостью и пониманием. Он говорит, что любит их за кротость, за их непосредственную близость с землей.

II/13

Около недели, как он вполне спокоен, занимается и не пьет.

Сегодня я перечитывал его письма 1903—1904 годов и поражаюсь, насколько он мало изменился в своих главных идеях. Ка-

жется, он не отказался ни от чего, высказанного им тогда, а многие идеи, которые он сам, кажется, склонен сейчас считать за новые, были у него опять-таки семь лет назад. Например, «этой капли не замечаешь, когда осознаешь коренную негодность себя по существу» (1903.Х.16), и многое другое.

Вчера. Я ему говорил о Ефреме Сирине и его советах против блудных помыслов.

— Ну они не очень-то хороши! — с улыбкой сказал он. — Например, совет представить себе любимую женщину разлагающимся трупом. Ведь этак не только блудные мысли, но всякие человеческие отношения становятся невозможными. Я не думаю, чтобы такое отношение к ближним было бы морально...

